

в тексте «хронографической» повести. В «хронографической» повести князь Юрий, чтобы осмотреть «Кучковы села», «входит» на гору, в нашей же повести Даниил «входит во светлицы и теремы высокия». Новостью изучаемого списка является расправа с Даниилом: убитого князя Кучковичи бросают «во Оку-реку». Тело убитого князя «предается водам» и в «хронографической» повести. Княгиню Марью Даниил повелевает «на вратех градных повесити». И расстреливают ее «из луков стрелами и ис пистолей пулками свинчатыми». В «хронографической» повести: князь «повеле (княгиню) повесити на вратех и разстреляти ю изо многих луков». В остальных списках «Сказания» о казни княгини говорится лишь, что ее «казня всякими муками разноличными, и предаде ея смерти лютое» (правда, о повешении «на вратех» упоминается и здесь, но в другой связи и в других выражениях). Не являются ли «хоромы» в нашем списке и сказанное о Марье, что она «бегству яшася ко отцу своему Кучку Ивановичу», также отголосками повести «хронографической»?

В списке встречаются новые выражения: «тебя пленю» вместо «тебя мечем погублю» в других списках, «борзой пес»; перевозчик «в струшку ездит» по Оке-реке; разъясняется, что «струбец» «сиречь гробница мертваго и утопшаго». Среди этих выражений имеются и такие: «поля чистые», «пуля свинчатая», «светлицы и терема высокие». Эти выражения автор мог взять из разговорной русской речи или устной поэзии. В повести чувствуется ритм устного сказа.

Даты, обычно встречающиеся во всех текстах «Сказания», в этом списке отсутствуют.

Очевидно, список Q.XVII.252 — это новый вариант «Сказания». Все перечисленные особенности этого текста в совокупности позволяют думать о нем следующее: новый вид интересующего нас памятника явился не результатом переделки письменного текста произведения, а писался составителем его на память. В нем мы встречаемся не просто с пропусками отдельных мест, появлением новых выражений и т. п., перед нами полная текстовая переработка памятника, по большей части вызываемая тем, что перерабатывавший нетвердо знал текст произведения, передавал его по содержанию и дополнял «по соображению». Именно тем, что повесть писалась по памяти, можно объяснить проникновение в нее мотивов из повести «хронографической». По этой же причине могли возникнуть и остальные изменения.

Можно думать, что самое «Сказание» писец знал хорошо или, во всяком случае, читал его недавно: он сумел сохранить не только канву рассказа в создаваемом тексте, но смог воспроизвести в нем и отдельные выражения повести.

Такое же впечатление рассказа, восстановленного по памяти, производит и предшествующий повести текст «о литовских князьях». Он не является копией текстов ни «Послания» Спиридона-Саввы (его второй части), ни «Родства». Это в значительной степени переделанные известия обоих памятников вместе. Некоторые из них выглядят здесь так: великий князь Симеон Иванович называется тверским князем, а события, связанные с именем Ольгерда, приписаны Гедмину.

Выше говорилось, что герои «Сказания» в этом списке носят другие имена. Чем вызвана такая перемена — ни самый текст «Сказания», ни окружающие повесть тексты ответа не дают. Об этом можно судить только предположительно.

Так, думается, что Даниил Александрович попал в рассматриваемом списке на место князя Андрея (теперь он оказывается основателем Москвы и первым ее князем) по той причине, что, судя по официальной литера-